

на литературном посту

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие журналу „Linkskurve“. Л. Авербах — К критике взглядов проф. В. Ф. Перверзева. Ю. Амбединский — Генеральная задача пролетарской литературы. А. Селивановский — Оппортунизм под „левой“ маской (об альманахе „Удар за ударом“). Н. Иезуитов — Маркс и Фрейлиграт. В. Саянов — Ударная бригада поэтов. Н. Рыкова — Бэла Иллеш. Библиография: Об одной вылазке агента буржуазии (о статье Купцевича в „Печ. и Рев.“). Как мы относимся к творчеству Чехова: П. Лепешинский, Н. Асеев, В. Пудовкин, А. Таиров. О журнале „Linkskurve“. Роман, который не написан. Отзывы о книгах: В. Гусева — Поход вещей. Н. Дементьева — Шоссе энтузиастов. И. Незнамов — Хорошо на улице и др. Хроника.

1930 ЯНВАРЬ

1

ГОСИЗДАТ
МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

КАК МЫ ОТНОСИМСЯ К ТВОРЧЕСТВУ ЧЕХОВА

(Окончание анкеты)

П. Лепешинский

Я всегда очень высоко ценил художественный талант Чехова и считал его неподражаемым беллетристом-миниатюристом (выше Чехова в этом отношении я мог бы назвать в мировой литературе только Мопассана). Кроме того, он был понятен мне, своему современнику, как ообразитель интеллигентских настроений безвременья 80-х годов. Мне лично особенно нравился его несравненный юмор на фоне «мировой тоски».

Я вообще читал почти все, что вышло из-под пера Чехова, и сейчас Чехов является моей настольной книгой.

Как и всякий крупный, перворазрядный литературный талант Чехов имеет право на внимание широких масс. В его произведениях много той абсолютной

(«общечеловеческой», как иногда говорят) красоты, которая не обусловлена временем и пространством. Но, разумеется, по своим основным настроениям он не подходит к современному моменту стремительной переоценки всех ценностей и лихорадочного творчества в поисках новых форм жизни. Его должны читать и изучать с точки зрения исторической перспективы.

Для современной художественной литературы Чехов должен был бы явиться классическим образцом антиманерной высокохудожественной простоты стиля. Кроме того, современные художники-беллетристы должны поучиться на его произведениях экономно выражать свои мысли и в сжатой форме конструировать свои художественные образы.

Н. Асеев

Относился к Чехову как к представителю той интеллигенции, либерализм которой был построен на фразеологии сожаления о более лучшем времени, на гуманитарном противопоставлении прекрасного будущего отвратительному настоящему.

Условность чеховских персонажей, в особенности в драматургии, стилизованных под честных, ничего не могущих поделаться с «негодным временем», людей, в детстве и юношестве производила на меня впечатление выдуманных фигур. Очевидно, это была та условная честность наивной русской интеллигенции, которая не сознавала своей связи с мел-

кой буржуазией и что эта мелкая буржуазия повлекла ее за собой в 1917 году и позже.

Произведения Чехова читал в этом году. Думаю, что вопрос о продвижении Чехова к массовому читателю — бессмысленный и праздный. Почему именно Чехова? — Потому что — юбилей? Или потому что «классик» или потому что редакции нужно устраивать анкеты?

Если «продвигать» нужно всех дореволюционных писателей, признанных образцовыми, то почему не Чехова и Бунина и не А. Толстого? Все это писатели одной, приблизительно, эпохи и одного социального призыва.

Гораздо в большей степени имело бы смысл поставить вопрос, насколько Чехов отличается от беллетристов предреволюционной поры и чем он ближе пролетарским массам, своему читателю?

Для современной художественной литературы Чехов имеет малое значение, так как Чехов мастер законченной сюжетной новеллы, в то время как тепереш-

ние беллетристы не удовлетворяются такими размерами, минимально ограничивая свои произведения 5—6 листами.

Думаю, что разбор чеховских рассказов, наравне с мопассановскими, много помог бы нашему бумажному кризису, сохранив произведения современников многократно и дав возможность им работать более экономным способом.

В. Пудовкин

Чехова я всегда очень любил, люблю и сейчас. Но все его вещи (тоже всегда) распределялись для меня между двумя полюсами: ранним — напряженно жизне-радостным и поздним — подавленным, печальным, почти безнадежным. Эмоциональное воздействие Чехова на читателя огромно. (Он — один из редчайших писателей, заставляющих читателя «ощущать» его вещи всем тем сложнейшим комплексом чувствований, которым мы воспринимаем куски реальной жизни. Шаблонно выражаясь, он заставляет жить в своих вещах, непосредственно волноваться их волнением и неизбежно уносить с собой «ощущение» пережитого, похожее на личное воспоминание. Вот отсюда-то и вытекает мое «деление» Чехова. Жить в его вещах позднейшего периода мне было неудобно и нехорошо. Густейший мрак, в котором погибаешь в финальных актах чеховских драм, я не мог рассеять объективным наблюдением робких мечтательных надежд на будущее «небо в алмазах». В Чехове я не могу ничего «отыскивать», могу только подчиняться огромной силе его писательского таланта. Может быть потому, что я не специалист (литератор), а только рядовой читатель. Совсем иное — ранний Чехов. Несмотря на то, что его материалом всегда было уродство взаимоотношений людей между собой и окружающей их жизнью, ранний Чехов был так молод, настоящей безусловной молодостью, так неодолимо жизнерадостен, что никогда не было сожаления в победе хорошего над дурным. Его великолепная насмешка никогда не отзывала подавленностью. Ласковое презрение, с которым он вытаскивал своих персонажей из кучи ко-

пошащихся уродов, давало ощущение силы и уверенности в действительном существовании возможности лучшей и прекрасной жизни. Ранний Чехов никогда непосредственно не писал об этой лучшей жизни, потому что сомнения в ней не было, уверенность жила в нем самом и передавалась читателю. Только впоследствии, когда надвигающееся уныние стало слишком страшно, он должен был заговорить о ней.

Нужно ли продвигать Чехова в массы?

Сложнейший вопрос, на который только частично можно уверенно ответить. Нужно прежде всего учитывать то огромное доверие, которое питает сейчас к печатному слову новый массовый читатель. Такой мастер огромнейшей силы непосредственного воздействия, как Чехов, не может быть брошен неискушенному подчас мало сознательному читателю без тщательного контроля. Люди с мироощущением «позднего» Чехова, может быть, еще существуют, но жить им у нас сейчас нигде и не к чему. Завлекать новых людей трудно одной силой желания в круг переживаний умерших и вымирающих людей — предприятие сомнительного порядка. Остается ранний Чехов, блестящий сатирик, безукоризненный бытописатель и, конечно, великолепный мастер слова. О значении его для современной литературы говорить мне несколько трудно из-за боязни вмешиваться в область искусства, знакомого мне только как рядовому потребителю. Я полагаю одно. Стоит учиться у Чехова (кажется, он сам говорил об этом) «меньше всюду находить материал для работы. Не плестись в хвосте у «самоиграющей» темы. Огромный участок современной литера-

туры состоит лишь из экзотики (тоже «самоиграющая»), либо из натужных попыток построить «роман» из последовательного нагромождения иллюстраций к ходовым лозунгам. Настоящие, смелые

и внимательные мастера, умеющие видеть и понимать то, что не видит и не понимает любой прохожий, у нас редки, их нужно воспитывать, им надо учиться у замечательного Чехова.

А. Таиров

Я всегда считал Чехова очень крупным художником и мастером.

Что касается его пьес, то я всегда полагал, что в их сценической интерпретации зачастую искривлялось подлинное его лицо. За последние годы я перечитывал, главным образом, его пьесы. Полагаю, что в обновленной трактовке некоторые из них (в частности «Чайка», «Вишневый

сад») могли бы дать много интересных и нужных восприятий массовому зрителю.

Для современной художественной литературы значение Чехова как великолепного стилиста и необычайно умного и тонкого сатирика, а также как лучшего художественного отобразителя всей предреволюционной эпохи, на мой взгляд, совершенно неоспоримо.